

0-782250

На правах рукописи

СТОЦКАЯ ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

**ФЕНОМЕН РАЦИОНАЛЬНОСТИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ**

Специальность 09.00.01 -- онтология и теория познания

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Чебоксары 2010

Работа выполнена на кафедре философии и истории ГОУ ВПО
«Самарский государственный архитектурно-строительный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Шестаков Александр Алексеевич

Официальные оппоненты: Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Бажанов Валентин Александрович
ГОУ ВПО «Ульяновский государственный
университет»

доктор философских наук, профессор
Тайсина Эмилия Анваровна
ГОУ ВПО «Казанский государственный
энергетический университет»

доктор философских наук, профессор
Маслихин Александр Витальевич
ГОУ ВПО «Марийский государственный
университет»

Ведущая организация: ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится 30 апреля 2010 года в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.301.04 в ФГОУ ВПО «Чу-
вашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» по адресу:
428015 г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 а, корп. III, зал ученого
совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
ФГОУ ВПО «Чуваший государственный университет имени
И.Н. Ульянова».

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на
официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ, «Объявления о защите
докторских диссертаций» – <http://vak.ed.gov.ru/>.

Автореферат разослан «26» апреля 2010

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000604015

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

А.Г. Степанов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Диссертационная работа ориентирована на решение фундаментального вопроса современных социально-гуманитарных наук: насколько возможно (и возможно ли вообще) науке сохранить классическую форму *рационального* познания на фоне воздействий внешних социокультурных и психологических детерминаций? Базовый постулат настоящего исследования – утверждение исторической стабильности, типологической устойчивости и неизменности сущностных характеристик феномена рациональности. Тезис о типологической устойчивости феномена *ratio* является важным аргументом в противостоянии современным тенденциям *релятивизма* и вытекающего из него *иррационализма* самых разнообразных форм.

В современной философской методологии познания одно из центральных мест занимает проблема плюрализма исследовательских подходов к феномену рациональности. Существуют *концептуальные и методологические* различия в самих способах его истолкования и выделения основных *смыслов*. Принципиально, что указанный вопрос рассматривается не только в историческом разрезе, но и в плане анализа собственно парадигмального ядра тех или иных частных концепций. В контексте вышеизложенного представляется целесообразным, основываясь на опыте теоретической разработки данной проблематики в современной методологической литературе, выделить два полюса, вокруг которых структурируется все многообразие рефлексии о смысле рациональности. Если позитивизм и постпозитивизм делают акцент на научности и применяют строгие критерии к упорядочению и систематизации материала, то экзистенциализм, персонализм, «философия субъективности» ограничивают или вообще отрицают те функции разума, на которых сосредоточивалась рассудочная форма позитивистски ориентированной науки, акцентируют внимание на спонтанности эстетического, этического, политического, религиозного и прочего действия.

То общее, что структурно объединяет приведенные выше содержательно весьма несхожие концепции, можно сформулировать следующим образом: тенденция к постепенному отказу от объясняющих схем и процедур, от поиска закономерностей и зависимостей внутри анализируемого предмета. В рамках прагматико-функциональной ветви такая тенденция реализуется через акцент на типологизацию реальности, в ущерб ее понятийной проработке. В целом, можно говорить о своеобразной «инфляции» классического философского инструментария, во главе которого всегда стояло «понятие»; приоритет онтологической *реальности* мысли над ее истинностью и когнитивным своеобразием; тенденция к переосмыслению

функции философии как всеобщей формы постижения истины в сторону процедур самораскрытия истины через спонтанную витальность, практическое действие и т.п.; ориентация на донаучный опыт (прагматико-функционалистские концепции рациональности) или даже на контакт с миром до всякого знания (позднейшие варианты ценностно-гуманитаристической парадигмы); признание внешней социальной заданности мышления (в том числе — научного мышления) в ущерб вниманию к внутренней понятийной логике мысли.

Следует подчеркнуть, что обе вышеназванные парадигмальные трактовки рационального мышления в XX столетии были бы попросту невозможны без исходной концепции рациональности в том ее виде, в котором она сформировалась в эпоху Нового времени. Чтобы быть критикой по существу, критика рациональности хотя бы по своей форме должна *быть* (и, по сути, является таковой в большинстве приведенных нами примеров) *рациональной*. Рассматривая те или иные содержательные аспекты классических эпистемологических учений, современная философская мысль вынуждена заимствовать отдельные элементы своего метода у этих учений. Именно опора на такую предпосылку, являющуюся принципиальной для нашей работы, делает возможной связность и преемственность философского (а также научного) опыта, то есть прямое сообщение критики со своим предметом.

При всестороннем рассмотрении избранного вопроса становится очевидным, что современные эпистемологические теории (или даже теории, постулирующие невозможность всякой эпистемологии) пребывают в достаточно двусмысленном положении. С одной стороны, они более или менее явно декларируют свою принципиальную несводимость к традиционным формам «ratio», намеренно дистанцируясь от классики. С другой стороны, реализуя собственные проекты «редукции» или даже «деструкции» Разума, такая критика апеллирует именно к *рациональным* способам аргументации. Обобщив названные выше характеристики, можно получить достаточно полную картину характерного для современности «*кризиса рациональности*». Вместе с тем, настоящее исследование в качестве одной из своих базовых задач преследует цель описать общее концептуальное *единство* феномена рационального мышления. Задача заключается в выделении «*единой рациональности*», раскрытии основных структурных элементов этого феномена как бы «поверх» всех концептуальных различий отдельных подходов, даже абстрагируясь от последних. Именно поэтому богатый и сложный концептуальный инструментарий, который заимствует и широко использует современная критика рациональности, должен стать предметом специального философского осмысления.

Степень теоретической разработки проблемы. Размышления о судьбах Разума неизбежно приводят к констатации так называемого *кризиса рациональности* (и кризиса научной парадигмы познания как одного из его симптомов). В этой связи ряд видных западных исследователей поднимают вопрос о «конце науки» (Дж. Хорган, например)¹, который видится в качестве одного из аспектов более общей тенденции мировой цивилизации, обозначаемой в терминах «конца истории» (Ф. Фукуяма) или «пост-истории» (Ж. Бодрийяр). Анонсированная выше идея «конца науки» согласуется с выводами таких критиков научного мировоззрения, как А. Бергсон, Р. Генон, М. Шелер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, К.Г. Юнг, М. Элиаде² и другие, настаивавших на исчерпанности гносеологического подхода, лежащего в основании научного мышления Нового времени, а также с мнением многих ученых и философов, свидетельствовавших об утрате той социокультурной и мировоззренческой функции, которую наука реализовывала в последние столетия в качестве регулирующей, нормативной инстанции при решении основных исторических, культурных, идеологических, гносеологических, философских и социальных вопросов (В. Гейзенберг, Ж. Делез, П. Фейерабенд, М. Фуко, Ф. Капра, Ф. Лиотар, Ж. Лакан, И. Пригожин, В. Паули и др.)³.

Проведенная в диссертации детальная дифференциация ключевых философско-мировоззренческих проблем, возникших в контексте современной критики Разума, образует следующие исследовательские блоки, значимые для данной работы:

– кризис науки и рациональности как центральная проблема философии и теории познания (Э. Гуссерль и феноменологическая школа, Р. Тарнас, исследования М.К. Мамардашвили, Н.Н. Трубникова и др.)⁴;

¹ См.: Хорган Дж. Конеч науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. – СПб.: Амфора, 2001. – 479 с.

² См.: Генон Р. Кризис современного мира. – М.: Эксмо, 2008. – 784 с.; Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 238-252; Шелер М. Формы знания и образования // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С.15-56; Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации. – М.: Академический проект, 2008. – 463 с.

³ См.: Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. Пер. с нем. – М.: Наука, 1989. – 400 с.; Капра Ф. Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока. – СПб: София, 1994. – 302 с.; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Инс-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.; Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С.46-52; Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. – М.: АСТ, 2010. – 378 с.

⁴ См.: Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 448 с.; Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 82 с.; Трубников Н.Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // Рациональность как предмет философско-

– альтернативные, инновационные формы cogito – Э. Гуссерль, феноменологическая школа в целом, М. Шелер, А. Шюц, экзистенциально-феноменологическая парадигма (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Э. Левинас), интуитивистское учение А. Бергсона, прагматизм У. Джеймса и целый ряд других авторов и концепций конца XIX – начала XX вв.⁵;

– радикальная критика классической картезианской процедуры cogito (философы-постмодернисты – Ж. Деррида, Ж. Делез, М. Фуко, П. Слотердайк, С. Жижек, З. Фрейд, Р. Рорти, Ю. Хабермас)⁶;

– современное развитие идей классического рационализма (Г. Башляр и представители школы «неорационализма»)⁷;

– методологическое и логико-эпистемологическое обоснование идеи научной рациональности (труды Л. Витгенштейна, К. Поппера, работы отечественных исследователей В.А. Бажанова, В.В. Ильина, В.А. Лекторского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, А.И. Ракитова, В.С. Степина и др.)⁸;

го исследования / под ред. Б.И. Пружинина, В.С. Швырева – М.: ИФРАН, 1995. – С. 143-171.

⁵ См.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – С. 49-100; Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. – М.: РОССПЭН, 2004. – 752 с.; Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

⁶ См.: Деррида Ж. Письмо и различие. Пер. с фр. – СПб.: Академический проект, 2000. – 430 с.; Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.; Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сад: АОЗТ «Талисман», 1994. – 406 с.; Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. – 583 с.; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Худож. журн., 1999. – 236 с.; Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – 320 с.; Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Изд. центр «Academia», 1995. – 245 с.

⁷ См.: Башляр Г. Избранное. Научный рационализм. – М.: Университетская книга, 2000. – 395 с.

⁸ См.: Бажанов В.А. Наука как самопознающая система. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 184 с.; Ильин В.В. Теория познания: Введение. Общие проблемы. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 168 с.; Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 255 с.; Никифоров А.Л. Философия науки: история и теория. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 264 с.; Порус В.Н. Рациональность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. – С.807-809; Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: РОССПЭН, 2009. – 432 с.; Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. – М.: ИНИОН РАН,

– историко-философский и социокультурный анализ внерациональных детерминант формирования *ratio* (исследования К. Маркса, М. Вебера, В. Зомбарта, Г. Маркузе, Г. Лукача, П. Бергера, Т. Лукмана, Ф. Броделя, М. Бура, Г. Иррилица; работы А.В. Ахутина, П.П. Гайдено, Ю.Н. Давыдова, Н.С. Автономовой, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили, Л.А. Микешиной, Н.С. Мудрагей, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева, А.Ф. Зотова, В.С. Библера, С.С. Аверинцева, И.Т. Касавина, А.М. Карпеева, В.Г. Кузнецова, Ю.П. Кулькова, Н.Ю. Ворониной, В.П. Филатова, А.А. Шестакова и мн. др.)⁹;

– анализ структур экономической рациональности как «максимизации полезности» (М. Алле, П. Вайзе, М. Вебер, Г. Саймон, Д.Н. Хайман, Дж. Хикс, В.С. Автономов, Н.М. Кизилова, В.А. Колпаков, А.Н. Сорочайкин)¹⁰;

Центр ИСТИНА, 1998. – 104 с.; *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

⁹ См. *Автономова Н.С.* Рассудок, разум, рациональность. – М.: Наука, 1988. – 287 с.; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.; *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.; *Гайдено П.П.* Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 521 с.; *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994. – 432 с.; *Касавин И.Т.* Проблема неклассической теории познания. Миграция. Креативность. – СПб.: РХГИ, 1999. – 201 с.; *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: МГУ, 1991. – 192 с.; *Кульков Ю.П.* Мировоззрение в познании природы. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. – 179 с.; *Микешина Л.А.* Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. – 560 с.; *Мудрагей Н.С.* Очерки истории западноевропейского иррационализма. – М.: Наука, 2002. – 109 с.; *Филатов В.П.* Наука в контексте идеологии и вненаучных форм знания: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01. – М., 1992. – 38 с.; *Швырев В.С.* Особенности современного типа рациональности // Актуальные проблемы философии науки / отв. ред. Гирусов Э.В. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 48-59; *Шестаков А.А.* Познавательная деятельность: пути преодоления натурализма // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. – 2003. – №1. – С. 5-14.

¹⁰ См.: *Алле М.* Условия эффективности в экономике. – М.: Научн.-изд. центр «Наука для общества», 1998. – 299 с.; *Вайзе П.* Номо *Economicus* и Номо *Sociologicus*: монстры социальных наук // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т.1. – Вып. 3. – С. 115-130.; *Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экон.шк., 1998. – 230 с.; *Кизилова Н.М.* Человек и экономический порядок: философия экономики в понимании социальных процессов. – М.: Изд-во Московского университета, 2005. – 183 с.; *Колпаков В.А.* Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. – М.: РООИ «Реабилитация», 2008. – 207 с.; *Сорочайкин А.Н.* Номо *economicus*: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий. – Самара: ООО «Офорт», 2009. – 351 с.

– идея развивающегося Разума и диалектическая концепция познания (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, А.В. Маслихин)¹¹;

– проблема рациональной реконструкции истории науки (И. Лакатос, П. Фейерабенд, Т. Кун, К. Поппер, работы отечественного исследователя М.А. Розова и др.)¹²;

– философские и эпистемологические основания неклассической естественнонаучной картины мира (А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, И. Пригожин, Л. де Бройль, А. Койре и др.)¹³;

– анализ концепции практической рациональности (работы М.С. Козловой, З.А. Сокулер, И.Т. Касавина и др.)¹⁴;

– расширительное истолкование понятия рациональности в контексте феноменов веры, иррационализма и внерациональных форм познания (К. Ясперс, М. Полани, Ф. Ницше, К.Г. Юнг и др.)¹⁵.

По способам интерпретации рациональности, представленным в современной методологической литературе, в диссертации выделяются два подхода: (1) *прагматико-функционалистский* и (2) *ценностно-гуманитаристический*. Подчеркнем, что в обоих случаях речь идёт об

¹¹ См.: Маркс К. К практике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 30 т. – Т. 13. – С. 1-167; Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.; Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. К критике гегелевского учения о формах познания. – М.: Высшая школа, 1968. – 190 с.; Маслихин А.В., Маслихин В.Д. Человек и картины мира. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2002. – 478 с.

¹² См. подр.: Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 235 с.; Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – 608 с.; Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.

¹³ См.: Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 312 с.; Бройль Луи де. Революция в физике: (новая физика и кванты). – М.: Атомиздат, 1965. – 231 с.; Койре А. Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 286 с.

¹⁴ См.: Козлова М.С. Проблема оснований науки // Природа научного познания. Логико-методологический аспект. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – С. 34-51.; Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике: критические очерки. – М.: Наука, 1989. – 192 с.

¹⁵ См.: Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1991. – С. 419-508; Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1986. – 344 с.; Юнг К. Сознание и бессознательное. – М.: Академический проект, 2007 – 188 с.

идеальных, парадигмальных линиях, вокруг которых структурируется все многообразие современных подходов к рациональному мышлению.

1) *Прагматико-функционалистский подход*. Ведущий метод – аналитико-эмпирический; центральные вопросы и темы сводятся к выявлению критериев, по которым дифференцируются такие отличающиеся друг от друга комплексы рациональности, как «научный рассудок», «обыденное сознание», «практическое действие» и т.п. Внутри этой достаточно неоднородной парадигмы диссертант выделяет (1.1.) концепции классического позитивизма, с одной стороны, и (1.2.) более поздние модификации позитивистских принципов (теория К. Поппера, когнитивная социология, поздний Р. Рорти) – с другой. В общем плане этому подходу свойственны детальная разработка *критериев* рациональности (как правило, представленных в виде шкал или градаций), конвенционализм или конвенционалистские тенденции в определениях рациональности.

2) *Ценностно-гуманитаристический подход*. Эта группа концепций характеризуется более широким истолкованием рациональности, не ограничивающимся лишь только сциентистским разумом. Акцент здесь делается на экзистенциально значимых, а также эстетических моментах жизни сознания. Такой подход неизменно сопровождается идеей о вторичности или даже незначительности функций разума на фоне всех прочих проявлений человеческого мироотношения. Важное отличие данной парадигмы от упомянутой выше заключается в том, что присутствие рациональности в той или иной форме постулируется также в спонтанном поступке, обладающем индивидуально-экзистенциальным содержанием, в политической акции, или, наконец, в непосредственной работе философа или художника (эти два типа деятельности в данном случае онтологически приравниваются друг к другу). Все названные выше сферы деятельности в рассматриваемом контексте образуют широкую область так называемой «творческой разумности» (Х.-Г. Гадамер), которая становится предметом самого пристального внимания философов. Центральный концепт всех подобных теорий – так называемая «инновационная способность» (М. Дюфрен, П. Рикер), то есть способность к преобразованию действительности в любых ее формах, способность к порождению нового, имеющая, как правило, более или менее выраженную эстетическую направленность. Отметим, что этот подход представлен в наиболее явном виде в экзистенциалистских и персоналистских концепциях, в менее «чистых» формах – в современных «философиях субъективности». В целом, полюсом отнесения любых вышеприведенных рефлексий всегда так или иначе выступает одна из моделей рациональности, выработанных философской и научной мыслью на протяжении трех последних столетий:

1) *Классический рационализм* (Р. Декарт, Г. Лейбниц, Б. Спиноза, И. Кант, И. Фихте, Г.-В.-Ф. Гегель). Сюда следует также отнести, например, и более частный тип – «неорационализм» Г. Башляра как своеобразное развитие классических принципов в контексте неклассической эпистемологии. 2) Парадигма *«целерациональности»* (М. Вебер, «экономическая социология» А. Шютца и др.)¹⁶. 3) Концепция *«практической рациональности»* (социологическая школа П. Бурдье)¹⁷. В качестве своего предельного основания данная теория отсылает к анализу соответствующей «структуры рациональности», то есть тех правил, норм и процедур, которые задействуются «человеком социологическим» (так называемый «Homo Sociologicus») в процессе принятия социально значимых решений и выбора предпочтений. 4) Концепция *«ограниченной рациональности»* (Г. Саймон)¹⁸. Это в большей степени прикладная концепция, в связи с чем ряд исследователей расходится в вопросе о том, насколько оправданно помещать данную парадигму в один ряд с более распространенными и теоретически разработанными парадигмами. 5) *Неопозитивистский редукционизм* с соответствующими – пусть и не сформулированными явно – эпистемологическими (и антиметафизическими) допущениями и предпосылками (М. Шлик, «Венский кружок» и др.)¹⁹. 6) Современное понимание *«экономической рациональности»*. Рациональность данного типа трактуется в экономической науке как «максимизация полезности».

Для более полной картины следует также упомянуть альтернативные формы *ratio*, основанные на иных предпосылках, касающихся смысла и природы рационального поведения. Современной европейской науке, значительно расширившей свои исследовательские горизонты в XX веке, известен целый ряд мировоззренческих систем, которые вообще не порождают специфически западной формы рациональности. Примером здесь может служить конфуцианский (и, шире, вообще восточный) тип рациональности.

Объектом диссертационного исследования является парадигма рациональности научного знания в её типологически устойчивых характеристиках.

¹⁶ См.: Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2006. – 651 с.

¹⁷ См.: Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: Учебн. пос. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 16-31.

¹⁸ См. подр.: Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: Теория и история экономических и социальных систем и институтов. – 1993. – Вып. 3. – С. 16-38.

¹⁹ См.: Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия. Избранные тексты. – М.: Изд-во МГУ. 1993. – С.34-50.

Предметом исследования выступают исторические формы и теоретические модели научной рациональности.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление типологически устойчивых, неизменных характеристик и признаков рациональности, кристаллизующихся в существующих моделях разума.

Достижение поставленной цели возможно как последовательное решение следующих *исследовательских задач*:

- обосновать критерии, посредством которых возможно выстраивание единой и концептуально непротиворечивой *истории рациональности*;
- разработать систему понятий, позволяющих провести *типологию* феноменов рациональности;
- раскрыть методологическую роль «экономической рациональности» в объяснении хозяйственной жизнедеятельности человека, локализовать место данного теоретического конструкта в типологической системе координат рациональности;
- сформулировать и подвергнуть осмыслению основные структурные моменты *кризиса рациональности* в XX веке;
- выявить и проанализировать критерии демаркации (в теоретическом плане) и узловые пункты развития (в историческом плане) классической и неклассической моделей рациональности.

Методологические основания исследования. В диссертационном исследовании ставится задача проанализировать проблему рациональности в рамках концептуальной связки «история – типология». Это позволяет «встроить» все многообразие эмпирического (исторического и историко-философского) материала в адекватные типы и модели. Последовательность в логике раскрытия вопросов при этом выглядит следующим образом: от конкретных, специальных проблем теории рациональности (глава I) исследование движется к выявлению общего исторического контекста изучаемой проблематики (глава II), что позволяет затем выстроить единую линию истории рациональности как истории формирования понятия «субъект» (глава III). Последнее позволяет поставить целый ряд фундаментальных вопросов методологического характера (п. 3.1 главы III). Завершается исследование описанием типологической проблематики (глава IV), в рамках которой поднимается ряд более общих методологических вопросов (п. 4.1. главы IV).

В соответствии с концепцией Н.С. Автономовой, исследование рациональности и ее форм может строиться на основе *эмпирико-аналитических методов*. Кроме того, в контексте раздвигающей собственные аналитические горизонты современной теории познания уместным и даже необходимым представляется исследование более широкой

проблематики в рамках *ценностно-гуманитаристической парадигмы*. Противостояние релятивизму при анализе рассматриваемого феномена возможно благодаря *системно-историческому подходу, методу сравнительного анализа* и, в первую очередь, *диалектического и структурного методов*. Уловить современные тенденции изучаемой проблематики помогает применение *герменевтического метода* с его ориентацией на нестрогие понятийные конструкции, средства образно-метафорического выражения мысли. Именно такой подход позволяет зафиксировать во всё большей степени проявляющуюся в эпистемологии тенденцию к расширительному истолкованию феномена рациональности, изучить ее основные следствия, имеющие решающее значение для трансформации как классической структуры субъекта, так и основанной на ней концепции Разума Нового времени. В целом, данное исследование было бы невозможно без применения целого ряда вспомогательных и прикладных методов и аналитических процедур: исторического и аналитического методов, дедукции, идеализации, абстрагирования. В частности, при выделении типов рациональности был использован *метод сравнительного и исторического анализа*.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Обоснован критерий, позволяющий выстроить единую и концептуально непротиворечивую *историю* рациональности, согласно которому у исследователя признаётся наличие некоего исходного «предпонимания» феномена *ratio*. Всякий исторически конкретный «образ науки» отнюдь не является пассивным слепком положения дел, а выступает в виде теоретической рефлексии эпохи о самой себе посредством науки. В этом контексте феномен рациональности предстает не просто в виде специфического набора логико-методологических процедур, а в качестве базовой *ценности*, задающей всё здание человеческой культуры.

2. Осуществлена типологизация феноменов рациональности: выделены и описаны два («эпистемологический» и «историко-сциентистский») способа этой методологической процедуры. Данные способы принципиально не сводимы друг к другу и на их основе можно истолковать структуру, динамику формирования, характер и природу познающее-рационального отношения человека к миру.

3. В процессе определения места «экономической рациональности» в типологической системе координат осмысления феномена рациональности осуществлена демифологизация этого понятия, необоснованно претендующего на статус автономного и самостоятельного типа *ratio*.

4. Сформулированы и всесторонне проанализированы основные структурные моменты кризиса рациональности в XX столетии, связанные

с (1) необоснованной идеализацией научного прогресса; (2) верой в субстанциональный характер технического и экономического развития.

5. Обоснован исследовательский тезис, согласно которому парадигмальные характеристики рациональности детерминируются более первичными различиями концептуальных допущений о природе «*cogito*». Руководствуясь этой установкой, зафиксированы и описаны классическая, неклассическая и постнеклассическая модели рациональности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Методологически строгий подход к проблеме рациональности предполагает такую исследовательскую установку, которая позволила бы истолковать исторически различные типы рациональности как *вариации* некоего *единства*. Вместе с тем, такой подход должен считаться с полиморфностью исторических типов рациональности. В этой связи историю рациональности корректно представить как *историю формирования понятия «субъект»*. Без предварительного обсуждения этого ключевого понятия, осмысление которого даёт возможность «прочитать» все различные концепции рациональности, исторический анализ рациональности неизбежно вырождается в *бессистемную доксографию*.

2. Обоснованный диссертантом способ типологизации *ratio* сводится к выделению различных эпистемологических допущений о структуре рациональности. Вытекающая из этого подхода дифференциация первичных эпистемологических предпосылок порождает различия в исторически проявленных типах рациональности. Иной срез типологии, в основании которой лежит принцип трансформации доминирующей научной парадигмы, задает «историко-сциентистский» способ классификации. Полученные в результате типы представляют собой следующие парадигмальные образы: «классическая наука» (в двух её состояниях – дисциплинарная и дисциплинарно организованная), «неклассическая наука» и «постнеклассическая наука».

3. В контексте обоснования *ratio* средствами теории познания понятие «экономическая рациональность» (*ratio* как *оптимальность*) теряет свою исключительность. Это обстоятельство означает, что предикат «экономический» лишь локализует феномен рациональности, указывая на ту частную сферу, в которой он в данном случае реализуется. Термин «рациональность» вполне работает в качестве объясняющей схемы, упорядочивающей «сырую» эмпирию экономической жизни. В частности, эта категория эвристически продуктивна в вопросах структуры экономического действия, а также в проблематике экономического выбора и предпочтений. Вместе с тем, феномен рациональности остается сущностно одним и тем же, вне зависимости от того, проявляется ли он в сфере экономики,

партикулярной жизни человека, в процедуре принятия экзистенциальных решений, этическом выборе и т.д.

4. Кризис классических представлений о рациональности является не только внутренним кризисом философских предпосылок, но также обусловлен разложением традиционной структуры общественных отношений и, следовательно, трансформацией культурно-экономических условий духовного производства. С середины XIX столетия философия обнаруживает свою зависимость от успехов в области прикладной науки и техники, поскольку не только логически и методологически обслуживает интересы научного развития (в качестве теории познания), но и в качестве особого типа мировоззрения опирается на науку, заимствуя у неё свой предмет, методы и принципы, а во многом также и собственную теоретическую форму.

5. Главная особенность «неклассического» мышления заключается в том, что живая динамика реальных общественных процессов не замещается и не в полной мере дублируется структурами человеческого разума (универсальность которых постулировалась в рамках классической парадигмы). Современный теоретик призван интерпретировать эти образования в качестве реалий, не позволяющих всецело редуцировать себя лишь к данностям Разума, как в смысле онтологической реальности, так и в смысле объекта познания.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость настоящего исследования, заключается, прежде всего, в обосновании положения, согласно которому каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями познания, которые позволяют выделять и исследовать соответствующие типы объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы), а также в демонстрации этого тезиса на базе широкого историко-научного материала.

Вместе с тем, возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый такой этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего. Напротив, между ними существует *преемственность*. Не имея смысла вне человеческой деятельности, разум задает общую форму ее организации. Именно этой форме свойственны устойчивые типологические черты, постоянство воспроизводства (на разных исторических этапах). Конкретные, исторически обусловленные формы рациональной действительности можно рассматривать как его вторичные кристаллизации. Именно поэтому будет закономерным утверждение, что, к примеру, неклассическая наука вовсе не уничтожает классическую рациональность, но лишь ограничивает сферу ее действия. В

этом смысле ничто не мешает нам трактовать проект неклассической науки как новый уровень «критики разума» (в исконно кантианском смысле), обращенной, однако, уже на сами основания науки Нового времени.

Практическая значимость работы заключается в возможности корректно работать с историческим и историко-философским материалом, структурируя его не произвольным образом (как это зачастую случается в преподавательской практике), а основываясь на системе отношений между исторически несходными моделями *ratio*. Содержание диссертации может быть использовано в преподавательской практике при чтении лекций по базовому вузовскому курсу философии, а также курсу истории и философии науки для аспирантов. Ряд положений работы может привлекаться при подготовке учебных курсов теории познания, истории философии, социальной философии.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на ежегодных итоговых научно-технических конференциях Самарского государственного архитектурно-строительного университета «Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре: образование, наука, практика» (1999-2010 гг.); Областной научной конференции СГОО «Союз Молодых Ученых» (Самара, 11-13 апреля 2002 г.); Международной научной конференции «Энгельмейеровские чтения» (Москва, МГТУ им. Н.Э.Баумана, 2003 г.); XIX международных чтениях «Великие преобразователи естествознания: Б. Паскаль» (Минск, БГУИР, 26-27 ноября 2003 г.); Российской научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов (Самара, 2-7 февраля 2004 г., Поволжская государственная академия телекоммуникаций и информатики); Всероссийской научно-практической конференции «Особенности постсоветских трансформационных процессов» (Пенза, 1-2 февраля 2004 г., Пензенский государственный университет); Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры «Наука и культура России» (Самара, 12-13 мая 2004 г., Самарская государственная академия путей сообщения); Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 4-7 апреля 2004 г., Волжский университет им. В.Н. Татищева); научной конференции «Ломоносовские чтения-2004» (Москва, МГУ, 2004 г.); 2-й международной научно-практической конференции «Наука и культура России» (Самара, 24-25 мая 2005 г. Самарская государственная академия путей сообщения); Международной научной конференции «Энгельмейеровские чтения» (Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2005 г.); Международной философской конференции «Byt i powinnosc» (Польша, Rzeszow , 2005 г.); Региональной научно-методической конференции «Актуальные проблемы многоуровневого высшего профессионального

образования» (Самара, 18-20 октября 2005 г., Самарский государственный архитектурно-строительный университет); Научной конференции «Ломоносовские чтения – 2006» (Москва, МГУ, 2006 г.); Международной научно-практической Интернет-конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований» (15-25 декабря 2006 г., www.sworld.ilhome.net); Международной научно-практической конференции «Наука и культура России» (Самара, 24-25 мая 2007 г., Самарская государственная академия путей сообщения); научной конференции, посвященной 40-летию Казанского государственного энергетического университета и 10-летию Института экономики и социальных технологий «Навстречу XXII Всемирному философскому конгрессу: переосмысливая философию» (Казань, 22-23 февраля 2008 г., Казанский государственный энергетический университет); Международной юбилейной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 16-19 апреля 2008 г., Волжский университет им. В.Н. Татищева); Всероссийской научно-практической конференции ученых и педагогов-практиков «Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе» (Самара, 14-18 апреля 2008 г., Самарский государственный архитектурно-строительный университет); Всероссийской научно-методической конференции преподавателей вузов «Подготовка будущих экономистов и менеджеров в вузе: актуальные проблемы содержания и опыт формирования профессиональной компетентности» (Самара, 9 марта 2008 г., Российский гуманитарный университет, Самарский филиал); Межрегиональной научной конференции «Принцип наглядности в познании» (к 80-летию со дня рождения проф. Феизова Э.З.) (Чебоксары, 16 мая 2008 г., Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова); Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Гуманитарные науки и образование» (Тольятти, 16-19 апреля 2009 г., Волжский университет им. В.Н. Татищева).

Структура и объем диссертации. Структура диссертации определяется логикой изложения и целью исследования, отражает последовательность решения поставленных задач и состоит из введения, четырех глав, шестнадцати разделов, заключения и списка литературы, включающего 392 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности в научной литературе, определяется предмет, цель и задачи исследования, обосновывается методологическая база, раскрывается теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «Проблемное поле концепций рациональности», состоящей из четырех параграфов, поднимаются общие вопросы теории рациональности: философия позиционируется в качестве рационализированной формы мировоззрения, дается дифференциация современных форм рациональности и обосновывается понятие «нормирование» как атрибут классического субъекта.

В разделе 1.1. «Идея развивающегося Разума» анализируются мировоззренческие основания философского мышления. Философия при таком подходе предстает как своеобразный эпифеномен мировоззрения, выражающий его, однако, своим особым, свойственным только философии способом. Здесь же подробно рассматривается кантианско-гегелевская парадигма развивающегося Разума, определившая дальнейшее становление европейской рациональности.

Рациональность у многих исследователей XX века связывается с определенным типом отношения к миру, свойственного преимущественно (для ряда авторов – исключительно) современной научно-технической цивилизации. В этом смысле парадигмальной является позиция, заявленная в свое время М. Вебером в его концепции целерациональности как вторичного и производного феномена от нововременного «капиталистического» мироощущения. В данном контексте с закономерностью возникают вопросы о *характере* и *степени* такой историко-культурной нагруженности феномена рациональности, проблеме *типов рациональности* и т.д. Можно ли, например, истолковать саму рациональность не в качестве некоего единого, целостного и заданного образования, а в виде сложного спектра возможностей, тенденций и форм? Или же, напротив, такой подход лишь неоправданно гипертрофирует анализируемый предмет, растворяя его в бесконечно расширяющемся социокультурном контексте? В этой связи следует выделить детально проанализированную Гегелем возможность творческого развития познания, то есть установку на критикорефлексивное отношение к исходным позициям познания, и – в более общем виде – саму идею развивающегося разума. В целом же, рассмотрение исторических форм различения рассудка и разума как нельзя лучше иллюстрирует вариативность, историчность и изменчивость форм рациональности на фоне принципиальной проблематичности идеи единства, инвариантности и целостности этого феномена.

Эти и целый ряд иных вопросов задают проблемное поле современного исследования рациональности. При этом принципиально, что само содержание этих проблем определяется реальными жизненными запросами той или иной эпохи, другими словами, даже постановка вопроса о формах и типах *ratio* сущностно *исторична*. Кроме того, сама эпоха оказывается погруженной в еще более широкий контекст относительно само-

стоятельной структуры, имеющей собственную динамику, – речь идет о культуре. Поэтому, например, по отношению к исследованиям рациональности в рамках современной философии показательным является тот факт, что сами представления о возможностях разума в XX столетии в значительной мере сформировались в контексте дискредитации неопозитивистской программы исследования науки. Идеи неопозитивистов, связанные с проектом найти простое, исчерпывающее и последовательное решение кардинальных проблем философии и методологии науки, в итоге получили совершенно иное развитие, нежели первоначальный аналитический импульс. Принципиально, что само понятие научной рациональности здесь не проблематизировалось, поскольку его достаточно прозрачный для неопозитивистов смысл подразумевался как бы сам собой.

В данном разделе диссертации подробно анализируются мировоззренческие основания философского мышления. В центре рассмотрения находится кантианско-гегелевская парадигма развивающегося Разума, ставшая определяющей для дальнейшей «судьбы» всей европейской рациональности.

В разделе 1.2. «Плюрализм в интерпретации феномена рациональности» проводится дифференциация основных современных концепций рациональности.

Диссертант в своём исследовании опирается на наработки Н.С. Автономовой, которая выделяет два основных способа интерпретации рациональности – (1) *прагматико-функционалистский* и (2) *ценностно-гуманитаристический*. Первая установка делает акцент на научности и применяет строгие формы и средства упорядочения и систематизации материала. Такой подход на современной философской карте представлен прежде всего позитивистскими и постпозитивистскими концепциями (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд, Р. Рорти и др.). Ведущий метод здесь – аналитико-эмпирический, а центральные вопросы и темы сводятся к выяснению критериев, по которым дифференцируются такие разные комплексы рациональности, как «научный рассудок», «обыденное сознание» и «практическое действие». Этот подход отличает детальная проработка критериев рациональности (как правило, представленных в виде шкал или градаций), конвенционализм или конвенционалистические тенденции в определениях рациональности.

Современные варианты рассмотренной парадигмы (например, когнитивная социология) признают ложными любые традиционные гносеологические понятия и антиномии, подчеркивая «псевдопредметность» и одновременно социологическую наполненность мышления. Кроме того, можно выделить еще целый ряд характерных особенностей такого «социологического» подхода к Разуму: познание как процесс и знание как

его результат интерпретируются теперь как социально сконструированный предмет в потенциально бесконечном контексте; методологический приоритет отдается типологизации познаваемой реальности, а не ее объяснению; обыденные и профессиональные суждения уравниваются в правах; мнения, имеющие историческую ценность и суждения современников признаются равноправными, а их истинность – равновероятной; научная и вненаучные сферы больше не считаются взаимонепроницаемыми, – наоборот: постулируется их диффузность, взаимопроникновение и размытость границ между ними²⁰.

Цель философии, согласно этой парадигме, сводится к построению такой концепции рациональности, которая подрывает любые попытки определить сущность самой рациональности. В целом, согласно взглядам представителей когнитивной социологии, ученый-теоретик имеет дело не с реальными объектами самими по себе, но с феноменами, в которых всегда тем или иным образом объективировано определенное социальное содержание.

Особенности второго, *ценностно-гуманитаристического подхода* (М. Дюфрен, П. Рикер, Э. Левинас, Х.-Г. Гадамер) – в ограничении или отрицании тех функций разума, на которых сосредоточивалась рассудочная форма позитивистски ориентированной науки, в акценте на спонтанности эстетического, этического, политического, религиозного и прочего действия. Этот подход представлен в наиболее явном виде в экзистенциалистских и персоналистских концепциях, в менее «чистых» формах – в современных «философиях субъективности». Данная группа концепций характеризуется более широким истолкованием рациональности, не ограничивая последнюю лишь только сциентистским и познающим разумом. Акцент здесь делается на экзистенциально значимых, а также эстетических моментах жизни сознания. Такой подход неизменно сопровождается идеей о вторичности или даже незначительности функций разума на фоне всех прочих проявлений человеческого мироотношения. Центральный концепт всех подобных теорий – так называемая «инновационная способность» (М. Дюфрен, П. Рикер), то есть способность к преобразованию действительности в любых ее формах, способность к порождению нового, имеющая, как правило, более или менее выраженную эстетическую направленность.

При всестороннем исследовании вопроса становится очевидным, что современные эпистемологические теории (или даже теории, постулирующие невозможность всякой эпистемологии) пребывают в достаточно

²⁰ См. подр.: Меркулов И.П. Методология исследовательских программ и проблемы логико-методологического анализа развития знания // В поисках теории развития науки. – М.: Наука, 1982. – С. 181-210.

двусмысленном положении. С одной стороны, они более или менее явно декларируют свою принципиальную и радикальную несводимость к традиционным формам «*ratio*», намеренно дистанцируются от классики. С другой стороны, реализуя свои проекты «редукции» или даже «деструкции» Разума, такая критика апеллирует именно к рациональным способам аргументации.

Предметом анализа в данном разделе диссертации являются основания, по которым проводится дифференциация современных концепций рациональности.

В разделе 1.3. «Нормирование» как атрибут классического субъекта анализируется одно из конститутивных свойств классического субъекта – самоформирование согласно «правилу», а также обсуждается проблема оснований, на которых возможна рациональная реконструкция истории науки.

Одним из наиболее показательных для классики элементов является понятие «*нормы*» и производные от него представления *нормирования* и *упорядочивания*. Исходным пунктом определения нормы в рамках классического рационализма всегда является *субъект* познания и его эмпирический «двойник» – автономный индивид, принимающий за «должное» очищенные рефлексией содержания собственного сознания. На этом уровне исследования формулируется ведущий принцип рационального мышления (и производного от него рационального нормирования) – *принцип рефлексивного самообоснования*. Согласно этому принципу, нормирование, реализуемое в соответствии с требованиями классического рационализма, возможно только как «самонормирование», как такая деятельность субъекта, которая предписывает закон самой себе.

В диссертации анализируются три основных способа интерпретации этого понятия в истории западной мысли. Первый из них – так называемая *статистическая норма*. На этом уровне норма понимается как средняя величина, фиксируемая с помощью точных математических и – шире – естественнонаучных методов. Второе понятие нормы можно условно обозначить как *научно-эпистемологическое* или же, собственно, философское. Базовый инструментарий, который задействуется этим подходом в Новое время, сводится к традиционным философским терминам: «самообоснование», «автономный субъект», «должное», «свобода», «природа», «ценность». Третий способ концептуально сформулировать нормативные вопросы следует охарактеризовать как *этносоциологический*. Сюда относятся социологические теории М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др., а также все многообразие учений и концепций их последователей. Говорить о норме (понятой как социальная норма) в данном случае означает, в первую очередь, использовать такие категории и понятия, как

«идентификация», «целостность», «система», «социальное взаимодействие», «социальная роль» и целый ряд других, преимущественно социологических, терминов.

Взятые в своем единстве, три перечисленные выше понятия нормы в общем и целом выстраивают все здание классического рационализма. В диссертации подчеркивается, что философская и научная классика являет собой совокупность всех проектов, всерьез принимающих девиз «на своей собственной основе». Тогда как доклассическая мысль разделяла то, что следовало бы назвать наивными и некритическими «допущениями здравого смысла», а неклассическая, соответственно, озабочена возможностью деконструкции как этих дофилософских, так и собственно философских, то есть классических, собственных основ.

В диссертации делается вывод, что главное методологическое требование классической рациональности сводится к *монизму* своих оснований. Классический субъект не может не считаться с тем фактом, что все формы мышления он должен добывать только и исключительно из самого себя, то есть из первичного и самотождественного «Я». Последний вывод логично подводит исследование к комплексу проблем и вопросов, важных для постановки проблемы рациональности. Автор обозначил лишь исходную, «нижнюю» границу представления о классическом субъекте. Однако существует и «верхняя» граница этого представления, за пределами которой следует говорить уже о разрушении ряда классических представлений о разуме, и, прежде всего, о трансформациях самой фигуры субъекта. Указанный комплекс вопросов локализуется в виде проблемы *соотнесения классических и неклассических форм рациональности*. С точки зрения современных критиков «ratio», картезианское «cogito», которое непосредственно обнаруживает себя в систематическом сомнении, сводится всего лишь к самотождественному, но пустому и чисто формальному самосознанию, которое на деле не есть наше знание о самих себе. Любой аспект рефлексии, как утверждается, всегда отсылает к целому массиву нерелективных содержаний, не данных непосредственному сознанию, неизбежно от него ускользающих²¹.

Далее автор обращается к проблеме рациональной реконструкции науки – последняя мыслится как интерпретация интеллектуальной деятельности, при которой она рассматривается «как если бы» была целенаправленной и от начала до конца рациональной деятельностью по строгим зафиксированным правилам. Из реального процесса становления знания

²¹ См., напр.: Рикер П. Конфликт интерпретаций: эссе о герменевтике // Человек и общество: проблемы человека на XVIII Всемирном философском конгрессе. – М.: ИНИОН, 1992. – Вып. 4. – С. 26-27; Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд: АОЗТ «Талисман», 1994. – С. 340-355.

при этом редуцируется видение процесса самим агентом деятельности (ученым в его эмпирической данности). Общее же основание, к которому сходятся все эти столь значимые для современной истории науки вопросы, сводится к проблеме случайности/целенаправленности процесса развития науки. Она формулируется следующим образом: если историческая реконструкция, выстроенная на рациональных основаниях, все же не отвечает реальному положению дел, то следует ли из этого, что все принципиальные, «революционные» новации в знании управляются не логикой целенаправленного поиска в рамках существующих программ, а всего лишь побочными и зачастую случайными результатами?

Представителем этой второй точки зрения может считаться Т. Кун. Решающим аргументом для него в этом вопросе является значительный удельный вес (относительно общего целого) так называемых непреднамеренных (случайных) открытий в науке, что эмпирически подтверждается всей ее историей. Например, существование инновационных научных теорий и гипотез он трактует следующим образом: «Они создаются непреднамеренно в ходе игры по одному набору правил, но их восприятие требует разработки другого набора правил»²². Данный тезис вполне можно считать парадигмальным и основополагающим как для самого методолога Т.Куна, так и для большинства его последователей. Солидарен с ним и М.А. Розов: «В самой структуре науки, в ее организации заложен механизм ассимиляции непреднамеренных открытий. Следовательно, идея рациональной реконструкции глубоко противоречит внутренним механизмам научного развития»²³.

Данный раздел исследования посвящен осмыслению одного из конститутивных свойств классического субъекта – самоформированию согласно «правилу». Особое внимание уделяется проблеме оснований, на которых возможна рациональная реконструкция истории науки.

В разделе 1.4. «Ratio как начало философии и научная рациональность: опыт соотнесения» вскрывается специфика научной рациональности.

В диссертации фиксируются важнейшие, конститутивные для всякой научной рациональности характеристики, – целостность, системность, структурность и иерархичность элементов теории.

Кроме того, выделяются следующие незыблемые основания научного поиска:

²² Кун Т. Структура научных революций – М.: АСТ. 2001. – С. 77.

²³ См.: Розов М.А. История науки и проблема её рациональной реконструкции // Философия науки. – Вып. 1. Проблемы рациональности / под ред. В.А. Смирнова. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 240.

А) Мировоззренческие основания исследования. Принципиально, что основания данного типа могут быть (и чаще всего бывают) латентными, т.е. скрытыми, неочевидными для сознания самого исследователя как эмпирического индивида. Тем не менее, будучи таковыми, они сохраняют всю свою силу и воздействие на познавательную деятельность, так или иначе управляя самим процессом, осуществляя преднаучную дорефлексивную селекцию эмпирического материала (который лишь «вторым шагом» превращается в совокупность «научных фактов»), направляя исследовательское внимание в соответствии с аксиологическими предпочтениями ученого.

Это весьма важный пункт в рассуждении об основаниях научного познания, поскольку классическая наука, по большому счету, осознанно игнорирует факт социокультурной и аксиологической нагруженности акта познания. В этом вообще заключается принципиальная позиция ученого Нового времени: в процессе объективного познания внешнего мира необходимо должны быть элиминированы все «внутренние», личные, ценностные и социальные детерминанты. Неклассическая же наука в определенном смысле начинается именно с признания того факта (для обыденного сознания этот факт всегда был очевиден), что ученый является прежде всего живым человеком, со своими культурными предпочтениями, своим общественным «телом», совокупностью социальных «привычек» и даже, возможно, некоторыми «предрассудками» своей эпохи. Все эти до- и вненаучные образования, согласно неклассической парадигме, являются до конца не редуцируемыми и неустраняемыми из акта познания элементами.

Б) Логико-гносеологические идеалы и нормы познавательной деятельности.

В) Формы и способы организации знания (классификация, типология, дедукция, индукция и др.)

Г) Методологические средства, регулятивные принципы, процедуры и критерии удостоверения результатов познания.

Помимо этого, каждый исторический тип научной рациональности существует в единстве своих неповторимых и одновременно универсальных, «сквозных» черт. К последним, проходящим через всю историю научного познания, относятся: системность. Данная характеристика представляет собой возможность хранения и кумуляции результатов познания посредством классификации элементов, выстроенных в иерархическом порядке. В этом смысле система (или структура) выступает условием возможности упорядоченности элементов знания; доказательность. Это требование создает возможность трансляции уже аккумулированного знания. При этом доказательность следует отличать от простой психологической достоверности, хотя бы та и обладала сколь угодно высокой

степенью очевидности; логическая строгость и концептуальность; рефлексивность. Этот признак научного знания свидетельствует о необходимости принципиальной воспроизводимости любого постулата, положения или суждения, претендующих на законосообразность (т.е. на адекватное отображение объективных, внутренних закономерностей реальности). Такая воспроизводимость была бы невозможна посредством простой передачи субъективного «мнения» («докса» древних греков). Чтобы данное условие было соблюдено, необходимо, чтобы субъект А, своим субъективным сознанием постигающий некое положение дел, высказанное субъектом В, на себе осуществил бы ту же рефлексивную процедуру, которая была проделана субъектом В точке получения им знания. Именно эта рефлексивная операция элиминирует субъективность как А, так и В, уравнивая обоих агентов знания в объективном поле познания; теоретичность и объективность результатов; интерсубъективность. Эта характеристика научного знания выражает само условие возможности его трансляции, более первичное, нежели доказательность. Речь здесь идет о том, что по отношению к научным суждениям возможность быть «смыслом-для-другого» одномоментна с возможностью считаться «смыслом-в-себе», одно не существует без другого. Прежде чем принять форму объективной истины, любое знание должно уже заранее быть вписано в неявный и неочевидный (но от этого не менее реальный) контекст общего «жизненного мира» (Гуссерль) некоего сообщества людей, понимающих друг друга и мыслящих сходным образом. Важно отметить, что акцент на этой составляющей научного знания философы (поздний Э. Гуссерль, Ж. Деррида) и методологи науки начинают делать лишь в XX столетии, в рамках неклассической и постнеклассической парадигм.

В данном разделе диссертационного исследования демонстрируется специфика научной рациональности. Особое внимание уделяется отличию последней от иных форм рациональности, функционирующих в культуре.

Во второй главе «**Классический рационализм и его неклассические формы**», состоящей из четырех параграфов, выявляются границы и критерии различия парадигмы рационального познания Нового времени, с одной стороны, и неклассической парадигмы, – с другой.

В разделе 2.1. «**Социально-исторический аспект смены рациональной парадигмы**» исследуются социально-исторические детерминанты процесса познания.

Согласно марксистской исследовательской парадигме, важнейшим элементом в структуре духовного производства является, прежде всего, (1) *сложный комплекс социальных образований и отношений*, в который включаются: экономическое положение и социальный статус интеллиген-

ции; формы институционализации, в которых организуется духовная деятельность; формы трансляции и кумуляции знания в обществе; формы разделения труда (умственного и физического), характерные именно для данного общества на определенном этапе его развития.

Кроме того, исследование внешних детерминаций духовных и идейных изменений в обществе невозможно без анализа (2) *структуры субъективности* самого агента духовного производства. Речь идет о том, как объективное социальное положение индивида дано ему самому, т.е. в каких субъективных формах и представлениях оно преломляется в его сознании, когда он смотрит на самого себя как на мыслящего агента духовной деятельности. Важно подчеркнуть, что в таком образом понятой «субъективности» не будет ничего от случайных переживаний или состояний индивида, – речь идет исключительно о всеобщих и формальных представлениях. Последние, кроме того, фиксируются индивидом в форме философских категорий, а искаженный образ такого самопредставления Маркс назвал «идеологией». На этом уровне исследования ставится задача выявить и определить это «идеологическое» поле современной философии, выделив своеобразный современный «архетип», априорные правила переживания мыслителем своей собственной субъективности в XX веке, – во всем их отличии от соответствующей классической «идеологии».

Таким образом, исследование очерченного выше круга вопросов должно протекать по двум взаимодополняющим направлениям – как со стороны «объективной» структуры процесса (1), так и в «субъективном» аспекте (2). Вместе с тем, такой анализ закономерно приводит к выделению двух относительно автономных "духовных формаций" в развитии западной мысли: классической и современной рациональных парадигм. Следует, однако, отметить, что указанное различие носит преимущественно типологический характер, поскольку исторически обе формации вполне могут сосуществовать (в рамках той или иной концепции) в пределах одной эпохи.

Наиболее показательной (и даже симптоматичной) характеристикой неклассической философии является ее очевидное критико-полемическое отношение к рациональной мыслительной культуре классического периода. Разные степени автономности от постулатов классического рационализма (от демонстративного отказа до более или менее поверхностных, «косметических» преобразований) при сохранении скрытой внутренней зависимости от этих постулатов – именно так, на наш взгляд, должно описывать современную философию непредвзятое исследование.

Каковым же было то «идеологическое поле»²⁴ (и рациональность как важнейший его феномен), от которого намеренно дистанцируется постклассическая мысль, каковы его сущностные черты и основные характеристики? Важнейшая предпосылка классической рациональной парадигмы – допущение естественной упорядоченности мира. Ее закономерное следствие – претензия на систематическую целостность, завершенность и монистичность теории о мире, а базовое (но не критическое!) условие такой теории – принципиальная доступность Природы рациональному постижению. С этой точки зрения позднейшие неклассические теории XX века можно представить как последовательную реакцию на ряд содержательных противоречий, значительных огрублений и упрощений классического мышления, без которых был бы попросту недостижим вышеописанный «идеал» рациональности.

Однако, собственно социально-исторические причины такой реакции пока далеко не очевидны. Поскольку, как было показано выше, изменения структур рациональности задаются, прежде всего, трансформациями общественной формы духовной деятельности, – то следует обратить внимание на два аспекта неклассических трансформаций – на изменение способов распространения и использования интеллектуальной продукции и на новое положение интеллигенции в обществе. Исторический период, в течение которого западная философия трансформировалась из классических форм в современные, был отмечен не только кардинальными научными открытиями, не только возникновением совершенно новых отношений в сфере экономической и социально-политической практики, но еще и серьезной ломкой условий организации и осуществления интеллектуального труда (в первую очередь – научного). В новых условиях центральным элементом механизма регулирования общественной жизни становится целенаправленное программирование индивидуального сознания, его кодирование и унификация²⁵.

В этой связи следует также сказать о принимающих все более масштабные формы инструментах принудительной регламентации массового поведения – таких как репрессивный социальный контроль, растущая бюрократизация общественной жизни, а также использование средств массовой информации, политической пропаганды и коммерческой рекламы. Как закономерное следствие, постепенно формируется своеобразная «индустрия сознания», которая была в принципе невозможна в классическую

²⁴ См. подр.: Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии// Философия в современном мире: Философия и наука – М.: Наука. 1972. – С. 35.

²⁵ См. подр.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – С. 44-57.

эпоху. В этом относительно новом виде индустрии сегодня трудится огромная армия работников интеллектуального труда. При этом принципиально, что положение этих новых «агентов духовного производства» весьма отлично от соответствующей социально-экономической ситуации людей так называемых «свободных профессий» в XVII-XIX вв. Достаточно жесткая логика массовых коммуникаций в XX столетии фактически заранее очерчивает все возможные пути идейного развития и просвещения современного интеллектуала. Речь идет о том, что обработка и формирование стихийно складывающегося сознания современного массового человека преследует свои, достаточно определенные коммерческие и идеолого-пропагандистские цели, среди которых далеко не последнее место занимают задачи развлечения аудитории и создания атмосферы максимальной релаксации²⁶.

В данном разделе диссертации предметом специального рассмотрения выступают социально-исторические детерминанты процесса познания.

В разделе 2.2. «Постулаты классической рациональности: эпистемологический аспект» формулируются основные методологические предпосылки классической теории познания.

Сведя все основные процессы и пути приобретения знаний и опыта в классической науке к ее общей схеме, можно получить определенную концепцию Разума, наблюдающего физические тела. При этом такая концепция будет содержать целый ряд предпосылок и допущений философского характера. Представляется целесообразным сформулировать эти предпосылки в качестве правил классической рациональности.

Первое такое правило можно сформулировать следующим образом:

(1) «физическое тело» как объект научного исследования не содержит в себе никаких скрытых сил, которые не были бы доступны внешнему (специально организованному) наблюдению. Объект научного познания (понятого как математическое естествознание) в пределе сводим к пространственно артикулированному физическому телу без скрытых свойств. Физическим телом классическая наука считает такое явление, которое полностью пространственно выражено в своем содержании²⁷.

Второе правило классической рациональности можно по праву назвать основным принципом опытной науки: (2) все, что воспринимается органами чувств, есть только материальные тела и их действия. Это пра-

²⁶ См. подр.: Козлова Н.Н. Социальная философия // Философия / под ред. В.Д. Губина и Т.Ю. Сидориной. – М.: Гардарики, 2004. – С. 455-482; Кола Д. Политическая социология = Sociologie politique. – М.: Весь мир: ИНФРА-М, 2001. – С. 18.

²⁷ См.: Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. – М.: Наука, 1988. – С. 44-46, 59-60.

вило вместе с объективностью определяет также и «материальность» рассматриваемых явлений. Речь идет о традиции отождествления «материальности» с пространственностью (то есть – внешней выраженностью для наблюдателя), заложенной ещё Р. Декартом. Согласно Декарту, все научно исследуемые действия мира по отношению к наблюдателю сводятся к материальным, данным в опыте воздействиям. В целом, отождествление пространства с материей имеет глубокий философский и методологический смысл, в нем заключается источник картезианского дуализма, согласно которому материя есть нечто радикально отличное от сознания и не имеет психического измерения. Только в силу этого постулата научное наблюдение оказывается способным раскрыть объективным образом сущность предмета, его строение, законы и структуру. Важно отметить, что такое наблюдение по самой своей сути будет рефлексивным, поскольку задается классическим картезианским правилом "cogito" (оно же – принцип "трансцендентального "я"). Феномен «cogito» относится к группе самореферентных явлений, то есть для своего объяснения не нуждается в привлечении каких-либо дополнительных средств, но постигается само через себя в непосредственном опыте (самосознание). Важнейшая характеристика этой процедуры – самодостоверность знания, являющаяся краеугольным камнем всей научной методологии²⁸.

Таким образом, следующее, третье правило классической рациональности сводимо к следующему утверждению: (3) непосредственная данность сознания самому себе (рефлексивное самосознание) является фундаментом научного знания как такового. Из этого правила можно вывести важное следствие философско-психологического свойства: когитальный уровень сознания полностью совпадает с его рефлексивным уровнем, иначе говоря, мышление тождественно самосознанию, а понятия «психика» и «сознание» строго эквивалентны (Декарт). В отличие от относительного расположения физических объектов в пространстве, само наблюдающее «cogito» абсолютно. Обобщив данный тезис, диссертант утверждает, что рефлексивное сознание есть абсолютная достоверность для классической философии.²⁹

С этим связана еще одна базовая предпосылка классического рационализма: предполагается, что события, наблюдаемые субъектом, происходят в мире как бы дважды – один раз стихийно, спонтанно воздействуя на наблюдающее сознание, а затем повторяясь уже в качестве сознательно контролируемого, искусственно воссоздаваемого опыта. В итоге можно

²⁸ См. подр.: Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси: Мечниереба, 1984. – С. 26-29.

²⁹ См.: Гайденоко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. – М.: Университетская книга, 2000. – С. 152-153.

выделить четвертое правило классической рациональности: (4) необходимое условие всякой экспериментальной науки – воспроизводимость (транслируемость) опыта в любой произвольной точке пространства и времени. Последнее означает только то, что любые научно наблюдаемые события должны повторяться и воспроизводиться в некотором поле, которое обеспечивало бы определенную непрерывность самих сознательных состояний наблюдения. Сформулировав это философское допущение несколько иначе, мы получим предпосылку классической структуры наблюдения: знание или эксперимент доказательны и всеобщи в той мере, в какой они поддаются воспроизведению.

Поэтому пятое правило классической рациональности сводится к (5) принципу непрерывности воспроизводимого опыта как базовому условию любого физического знания. Следствием постулата о непрерывности опыта (и одновременно его условием) является самотождественность классического субъекта. Последнее требует допущения некоего абстрактного, идеального, единого «континуума сознания» в качестве непрерывного носителя наблюдений. Во всех точках пространства наблюдения – в рамках классической рациональной парадигмы – должен быть возможен непрерывный перенос наблюдения из любой произвольной его точки в любую другую. При этом по отношению к любой из них действует возможность рефлексивно в нее переноситься и делать себя сознательным носителем тех событий, которые в той точке «первый раз» происходили спонтанно. Автономный и конечный источник всех этих наблюдений (как актуальных, так и просто потенциальных) – трансцендентальный субъект познания.

Предметом рассмотрения в данном разделе диссертационного исследования является система основных методологических предпосылок классической теории познания.

В разделе 2.3. «Кризис разума»: описательные характеристики и парадигмальные проблемы понятие кризиса рациональности раскладывается на составляющие. При этом исследовательский вектор направлен от частных симптомов кризиса к их общим парадигмальным основаниям.

Кризис разума оказывается теснейшим образом связанным с успехами и достижениями в научно-технической сфере. Опыт соотнесения социально-исторического и эпистемологического аспектов интересующей нас проблемы обнажает их общее смысловое ядро – кризис классических представлений о рациональности. Только в первом случае следует говорить о кризисе традиционной структуры объективных общественных отношений и, стало быть, кризисе культурно-экономических условий духовного производства, а во втором – уже о внутреннем кризисе самих фи-

лософских, логических и эпистемологических предпосылок и допущений (вызванном, прежде всего, рядом научных открытий в области физики в XX столетии, для объяснения которых у философии и теории познания попросту не оказалось адекватных концептуальных схем).

С середины XIX столетия философия обнаруживает свою зависимость от успехов в науке, поскольку не только логически и методологически обслуживает интересы научного развития (в качестве теории познания), но и в качестве мировоззрения опирается на науку, заимствуя у нее свой предмет, методы и принципы, а во многом также собственную теоретическую форму.

Классический рационализм обнаруживает уязвимость своих фундаментальнейших предпосылок, среди которых выделим следующие: некритическая вера в научный прогресс (в поступательное, сугубо линейное приращение знания); вера во всеислие и субстанциональный характер технического и экономического развития; предпосылка, согласно которой именно этими достижениями всецело детерминируется в сущности неизменном виде все бытие европейской культуры.

В диссертации также фиксируются наиболее фундаментальные элементы классической научной картины мира, которые подверглись наиболее существенной трансформации: представление об атомах как твердых, неделимых и раздельных «строительных блоках» материи; идея времени и пространства как независимых от наблюдателя абсолютов, имеющих объективный характер; концепция строгой механической причинности всех явлений; фундаментальная философско-эпистемологическая предпосылка возможности объективного наблюдения природы.

Новые представления, в соответствии с перечисленными выше пунктами, можно описать следующим образом: твердые атомы, существование которых постулировал еще Ньютон, почти целиком заполнены пустотой; твердое вещество не составляет больше важнейшую материальную субстанцию; материя и энергия переходят друг в друга; представления о трехмерном пространстве и одномерном времени трансформировались в идею об относительных проявлениях четырехмерного пространственно-временного континуума.

В данном разделе исследования понятие кризиса рациональности анализируется в контексте своих составляющих. Причем исследовательский вектор направлен от частных проявлений кризиса к его общим парадигмальным основаниям.

В разделе 2.4. «В поисках выхода из кризиса: основные направления развития «cogito» (А.Бергсон, З.Фрейд, Ж.-П. Сартр)» приведенная интерпретация неклассических сюжетов демонстрирует преемственность идей в рамках единой философской традиции.

«До-рефлексивное cogito» (Ж.-П. Сартр), «поток сознания» (У. Джеймс, Э. Гуссерль), «длительность» (А. Бергсон), «поле сознания без формы Я» и «опыт поверхности» (Ж. Делез), «бессознательное» (З. Фрейд), «техники субъективации», «эпистема» (М. Фуко) и др. – все эти, казалось бы, столь отличные сюжеты и концепты философии XX века вполне можно объединить и поставить в один ряд, если рассматривать их на мета-уровне, истолковывая все эти философские инновации как различные варианты (формы) трансформации классического cogito.

А. Бергсон на место основополагающего акта «я мыслю», совершаемого, согласно Декарту, рефлекслирующим субъектом, ставит идею *бес-субъектной «длительности»*. Под последней французский мыслитель понимает более глубинную, до-рассудочную активность сознания, которая не тождественна активности познающего субъекта. Если философия хочет иметь дело с первичной реальностью, то, согласно взглядам А. Бергсона, она должна отказаться от понятийного рассудочного мышления как от критерия и меры всех вещей. Предмет философии – реальность, это означает, что для ее адекватного отражения последняя должна подстраиваться под ее текучесть и изменчивость, не привнося извне рассудочные схемы³⁰. А. Бергсон предлагает альтернативный метод философского исследования – интуитивное созерцание, а не мышление и представление. Но, пожалуй, самое важное следствие бергсоновского учения, ставящее его в один ряд с современными неклассическими мыслителями – это переосмысление роли субъекта в деятельности сознания.

В контексте данного исследования теория З. Фрейда интересна тем, что в оппозиции «классическая/неклассическая рациональность» психоаналитическая методология занимает весьма примечательное промежуточное положение: открытые психоанализом реалии всецело принадлежат уже неклассической ментальной культуре, а сам метод, способ постановки проблем и инструмент анализа этих реалий несут на себе отчетливый отпечаток классических мыслительных навыков. В психоаналитическом учении З. Фрейда вполне можно вычленить целый ряд предпосылок и презумпций (для самого автора учения не вполне очевидных) эпистемологического характера. Именно анализ таких скрытых предпосылок и позволяет отнести психоаналитическую теорию к неклассическим концепциям.

Еще один значимый вариант интерпретации и развития классической формы «cogito» представлен концепцией Ж.-П. Сартра. На страницах своего исследования «Бытие и Ничто» французский мыслитель неоднократно дистанцируется от картезианского толкования ratio, субъекта и мышле-

³⁰ См. подр.: Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Соч.: В 4-х т. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. – М.: Московский клуб, 1992. – С. 50-156.

ния. Дуализм Декарта выступает здесь как необоснованная редукция активности сознания исключительно к его когнитивному модусу. Последнее влечет за собой, по мысли родоначальника экзистенциальной феноменологии, внедрение оппозиции внутрь самого сознания: оно предстает в классическом рационализме как двойственное образование – субъект-сознание (рефлексия) направлено на объект-сознание (предмет рефлексии). Именно вокруг этого раскола, инкорпорированного в целостность субъекта, и группируются, на наш взгляд, наиболее принципиальные пункты сартровской критики классического «*cogito*». Сартр, отвергая примат познания, открывает современной философии само бытие познающего субъекта. Именно такому бытию философ приписывает онтологический статус Абсолюта, который мыслители классической эпохи придавали логически сконструированному объекту познания. Французский экзистенциалист последовательно осуществляет критику картезианского дуализма по двум направлениям: развенчанию иллюзии теоретического примата познания и описанию следствий из «онтологической ошибки» классического рационализма.

В данном разделе исследования ставится задача продемонстрировать преемственность идей в рамках единой философской традиции. Показано, в частности, что А.Бергсон предлагает альтернативный метод философского исследования – интуитивное созерцание, отказываясь от мышления и представления. В творчестве З.Фрейда выявлен целый ряд предпосылок и презумпций эпистемологического характера. Осмысление последних позволяет отнести психоаналитическую теорию к неклассическим концепциям. Ж.-П.Сартр, отвергая примат познания, открывает современной философии *бытие* познающего субъекта.

В третьей главе «История рациональности как история формирования понятия «субъект», состоящей из четырех параграфов, устанавливается единое основание для реконструкции истории рациональности, позволяющее избежать крайностей бессистемной доксографии за счет дополнения чисто исторического метода исследования философско-историческим и философско-логическим подходами. Таким основанием признается история формирования понятия «субъект».

В разделе 3.1. «Проблема методологии исторического исследования Разума: доксография *versus* логика истории» дается развернутый анализ истории субъекта познания, в котором последний обнаруживает свою диалектическую природу.

В качестве двух полярных и претендующих на парадигмальность концепций истории рациональности можно выделить теорию Р. Тарнаса³¹

³¹ См. подр.: Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 448 с.

и концепцию отечественного мыслителя В.С. Библера³². В первом случае, на наш взгляд, мы, по преимуществу, имеем дело с доксографией (пусть и очень высокого уровня). Во втором же, история мышления понимается как последовательное разворачивание единой Идеи в русле единой логики. Следует подчеркнуть, что выбранные авторы и их подходы в контексте нашего исследования важны и ценны не сами по себе, но лишь как наиболее показательные примеры для двух различных точек зрения на эволюцию *ratio*.

Р. Тарнас предлагает интерпретировать строгие методы классического рационализма, средневековые теологически ориентированные представления о мышлении, постмодернистские стратегии деструкции *ratio* и т.д. как равноправные смысловые единицы, чья уникальность сродни неповторимости того или иного произведения искусства. Концепции рациональности западный исследователь предлагает мыслить как различные мировоззренческие системы. Методологические презумпции, на которые опирается история рациональности данного типа (обозначенного нами как «доксография высокого уровня»), ограничиваются рядом базовых принципов, свойственных любому историческому или историографическому исследованию как таковому.

Методологически более «строгий» подход наиболее полно и последовательно реализован В.С. Библером. Историческому анализу форм мышления отечественный философ предпосылает первичную философскую концепцию Разума и вводит в свою историко-философскую схему ряд организующих принципов эпистемологического характера. Тем самым историко-философский план исследования дополняется историко-логической проблематикой. Рассматривая в качестве отправной точки нововременную модель рациональности (разум как познающий разум) и вскрывая его внутреннюю антиномичность, исследователь демонстрирует необходимость самообоснования этой формы рациональности в контексте научно-теоретических потрясений XX века. При таком подходе всё многообразие исторически обусловленных форм рациональности сводится к конечному числу моделей и парадигм, выстраивающихся в рамках единой (но при этом полиморфной) логики развития мысли. Это единство включает в себя (не поглощая) античную модель «эйдетического разума», средневековую модель «разума причащающего», новоевропейскую парадигму «познающего разума» и современную форму рациональности, для которой характерно одновременное сосуществование, синтез и взаимная трансформация («трансдукция») всех предшествующих типов разумности. Этим достигается преемственность и непрерывность истории евро-

³² См.: Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два филос. введ. в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.

пейского философского мышления. Тогда вполне оправданной выглядит следующая гипотеза: историю европейской рациональности возможно описать как историю формирования понятия «субъект».

В данном разделе предлагается систематический анализ истории субъекта познания. Особое внимание в процессе исследования уделяется раскрытию диалектической природы этого элемента когнитивного взаимодействия.

В разделе 3.2. «Эпоха античности: преднаучная рациональность» античный тип рациональности характеризуется как преимущественно созерцательный, неэкспериментальный, логический по форме и эстетический по своим основным интенциям.

Для появления феномена научного знания понадобилось достаточно большое количество разнообразных условий – экономических, социальных, духовных. Среди них стоит выделить прогрессирующее разделение труда, начавшийся процесс классовообразования, растущий уровень абстрактности мышления, появление письменности, счета, накопление опытных знаний о природе и т.п. Появление в этих условиях теоретического знания означало радикальную перестройку всего накопленного человечеством знания, приведение его в единую систему. Потребовался выход за пределы непосредственного опыта человека. Необходимо подчеркнуть, что переход к собственно научной стадии мог осуществиться только в определенных типах цивилизации. Определенное сочетание духовных, социокультурных и материальных факторов, к которому не применимо понятие последовательного генезиса, сложившись в эпоху античности, породило комплекс условий для возникновения *преднаучной формы рациональности*. В частности, важнейшую роль в процессе становления философского мышления сыграло развитие античной демократии полисного типа. Последнее, в свою очередь, на более высоком уровне применения послужило предпосылкой для формулирования правил оперирования идеальными объектами. Античная наука начинается с понимания того факта, что истинная *сущность* мира не тождественна той форме, в какой он *является* в непосредственном опыте. Такое различие «истины мнения» (мир видимости) и «истины знания» (Парменид, Платон) подвигло первых гениев философской мысли к тщательному и всестороннему исследованию самого процесса мышления, его объективной логики и содержания. Результатом такого интереса стало поистине великое открытие предметностей принципиально иного типа, кардинально отличных от предметов эмпирического опыта, – числа, абстракции, понятия, суждения, умозаключения, объективной действительности, истины и т.д. В целом, на античном этапе предформирования феномена рациональности (и коррелятивного ему понятия субъекта) прежде всего следует зафиксировать раз-

витие и совершенствование базовых инструментов всякой теоретизации, каковыми являются: метод абстракции, метод дедукции, техника логической аргументации и обоснования, метод идеализации, систематизация полученного знания и выяснение причинно-следственных связей.

Диссертант приходит к заключению, что античная рациональность открыла перед греками практически необъятную перспективу осмысления реальности. Высшим продуктом такой интеллектуальной позиции и явилась античная наука: целенаправленная, сознательная разработка смыслов, выражающих общезначимое воззрение на мир, воззрение, обязательное для каждого, кто принимает Логос. Это был исторически первый тип теоретической рациональности, пришедший на смену мифопоэтическому освоению мира. Определяющей особенностью античной рациональности было то, что она пронизывала все виды человеческой деятельности и поэтому в зародыше содержала все последующие свои формы.

Предметом рассмотрения в данном разделе исследования выступает свойственный античности тип рациональности, который характеризуется как созерцательный, чуждый экспериментальному исследованию, логический по форме и эстетический по своим основным интенциям.

В разделе 3.3. «Средневековая концепция конечного разума» анализируется базовая «гносеологическая» установка по отношению к миру: понимание вещей как орудий и эманаций сверхличных сил.

В наследство от античности средневековье получило три фундаментальные программы: атомистическую программу Демокрита, математическую пифагорейцев и Платона и континуалистскую Аристотеля. Никаких радикально новых фундаментальных программ средневековая наука не создала; именно это обстоятельство обычно и служило поводом к истолкованию средневековой схоластики как застывшей, не развивающейся, а посему не давшей никаких новых открытий или методологических принципов. Однако такая нигилистическая оценка средневекового знания не является обоснованной. Имеется альтернативный подход к анализу данной проблемы, в рамках которого историкам представляется даже возможным говорить о «средневековой науке» (medieval science).

В целом же следует отметить совершенно особую ситуацию, которая отличает средневековую культуру мышления на фоне всех прочих эпох европейской истории. В этой связи надо отметить ярко выраженную культурную и духовную неоднородность этой эпохи. Весь комплекс духовных и идейных характеристик и ориентаций этой противоречивой эпохи автор условно разделяет на две части – (1) античное наследие и (2) зарождение культуры принципиально нового типа с радикально иными мыслительными навыками (формирование предпосылок культуры Возрождения). К представлениям первой группы относятся следующие: унаследованная от ан-

тичного мира *созерцательность* как доминирующая установка по отношению к миру; ярко выраженная ориентация мышления на *общие понятия* (схоластические «универсалии») в ущерб единичному и данному в опыте; как следствие – принципиальный *отказ от опытного знания*; склонность к абстрактно-умозрительному теоретизированию; признание *примата надличностного* (божественного) начала над понятиями личности и индивидуальности.

В плане гносеологическом надо подчеркнуть, что для средневекового Ума понять предмет мысли означало познать его в контексте приобщения к Творцу. Отметим, что речь в данном случае вовсе не идет о «познании» объекта в его позднейшем новоевропейском смысле (объект как он есть *сам по себе*). Сам пафос понимания в средние века принципиально отличался как от апорийного мышления античности, так и от сущностно-ориентированного познания эпохи Нового времени. В эпоху средневековья базовой «гносеологической» установкой по отношению к миру выступает *истолкование* вещей как орудий и эманаций сверхличных сил. Такая установка пронизывала собой не только духовную и интеллектуальную жизнь индивида, но также служила основанием для любой практической и социальной деятельности (феномен ремесленничества, цеховое производство и т.д.). Разум средневековья – это разум, причащающийся сверхсущему бытию (Богу) и через эту причастность осознающий собственную ограниченность, конечность и даже «ничтожность».

В данном разделе диссертации анализируется исходная «гносеологическая» установка средних веков по отношению к миру: понимание вещей как орудий и эманаций сверхличных сил. Такая установка пронизывала собой не только духовную жизнь общества, но и выступала основанием практической жизнедеятельности.

В разделе 3.4. «Наукоучение» как фундаментальная характеристика новоевропейской рациональности вычленяется общее концептуальное ядро философских систем Нового времени – логика познания как логика «наукоучения».

Важнейшими чертами новоевропейского образа знания, складывавшимися в XVII-XVIII вв., можно считать следующие: стремление к объективности знания о природе; секуляризация знания; опытный характер науки; ориентация на практику и экспериментальное исследование; использование языка математики как универсального средства описания и репрезентации природных процессов; динамизм науки; постоянная ориентация на поиск нового. Разумеется, в полной мере эти характеристики приложимы уже к достаточно зрелой стадии развития классической науки, к эпохе Декарта и Ньютона, но формирование их относится к более раннему периоду.

Особенность философского рационализма XVII-XIX вв. заключается, прежде всего, в развернутом и последовательном обосновании возможности достоверного и непротиворечивого познания (в том числе – научного). Философская мысль XVII-XIX веков – это мысль, актуализирующая бытие как *предмет познания*. Строгий стиль логико-геометрического мышления, характерный для античности, сменяется более раскованным, свободным стилем экспериментально-технологического мышления. Взаимодействие с опытом при этом становится важнейшей конституирующей особенностью научного мышления.

Стремительно набирающее силу экспериментально-математическое естествознание отныне воспринимается как высшая форма рациональности и объективности. Тогда как ценностные отрасли познания (философия, искусство, религия) ставятся в разряд «незрелых», иллюзорных, субъективных способов освоения мира. Решающий вклад в такое понимание научной рациональности внес Р. Декарт. Впоследствии оно было развито И. Кантом, став со временем общепризнанным и неоспоримым. Идея рациональности была поднята на более высокий уровень и положена в основание познавательной деятельности. Развернувшись далее в концепцию рационализма, она определила границы классического рационального познания и предложила требования относительно научного метода.

В отличие от античной, классическая рациональность была сосредоточена главным образом в сфере познания. Этому в значительной мере способствовала существовавшая в средние века и в начале Нового времени относительная обособленность различных сфер человеческой жизнедеятельности. Классическая рациональность имела ярко выраженную гносеологическую природу: на другие области общественной жизни она распространялась лишь в той мере, в какой они могли быть представлены в категориях и нормах науки. Мир Нового времени – это сконструированный по научному образцу, ясный, математически выверенный мир. «Классическое» мышление подчеркнуто антиавторитарно. Оно не предполагает никакого канонического круга идей в качестве образца анализа. Самостоятельность мышления ставится выше ученического следования чужим мнениям, авторитет разума, ориентирующегося на исследование природы, выше авторитета письменного источника. Новое время резко противопоставляет себя в этом плане предшествующей эпохе средневековья. Вполне естественно, что антиавторитарная направленность не совместима с комментаторством, программным отказом от новаторства, стремлением к анонимности, столь характерным для схоластического мышления.

Независимо от той или иной конкретной концепции (того или иного варианта «научоучения»), на более общем смысловом мета-уровне рацио-

нализм Нового времени всегда реализуется как философское учение о началах науки.

Предметом анализа в данном разделе диссертации выступает общее концептуальное ядро философских систем Нового времени – логика познания как логика «наукоучения». Особое внимание уделяется раскрытию интенций философского рационализма XVII-XIX вв., состоящих в развернутом обосновании возможности достоверного и непротиворечивого познания (в том числе – научного).

В четвертой главе «**Модели рациональности: сущность и способы типологизации**», состоящей из четырех параграфов, ставится вопрос о самих основаниях многообразия существующих сегодня типов и моделей рационального познания.

В разделе 4.1. «**Эпистемологическая**» и «**историко-сциентистская**» типология: специфика и эвристический потенциал» описаны два подхода к дифференциации типов рационального познания.

Критерий, лежащий в основании эпистемологической классификации, сводится к выделению различных допущений о структуре, динамике формирования, характере и природе познающе-рационального отношения к миру. Как следствие, именно дифференциация первичных эпистемологических предпосылок порождает различия в исторически проявленных типах рациональности.

Несколько иной срез типологии, в основание которой положен уже другой критерий классификации, представлен в получившей широкое распространение концепции В.С. Степина³³. Согласно этой, «историко-сциентистской», типологии, рассматриваемой нами в качестве особого способа классификации форм рациональности, философия и методология науки с XVII и до конца XIX века развивалась в русле *классической* рациональности. Этот тип научного мышления основывался на представлении о том, что познающий разум со стороны созерцает мир и таким путем познает его. Задача познания определялась как построение *объективной* реальности, как описание изучаемых объектов в их имманентной сущности. Условием объективности знания считалась элиминация из теоретического описания всего, что относится к субъекту, средствам и операциям его познавательной деятельности.

Тип рациональности, характерный для *неклассической науки*, исходит из того, что познающий субъект не отделен от предметного мира, а находится внутри него. Мир раскрывает свои структуры и закономерности благодаря активной деятельности человека в этом мире. Только тогда, когда объекты включены в человеческую деятельность, мы можем по-

³³См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

знать их сущностные связи. Важнейшим критерием членения рациональности на исторические типы выступает некая *автореферентность* познания, т.е. способность научного разума исследовать самого себя, а точнее – та или иная мера и степень этой способности, различающаяся в зависимости от социокультурных и исторических условий и доминирующей научной парадигмы.

Предметом рассмотрения в данном разделе исследования выступают критерии выделения базовых подходов в типологизации рационального познания. Согласно позиции автора этот критерий сводится к выделению различных допущений о структуре, динамике формирования, характере и природе рационального отношения к миру. Именно дифференциация первичных эпистемологических предпосылок порождает различия в исторически проявленных типах рациональности. В основание историко-сциентистской типологии положен уже иной критерий классификации типов, а именно – трансформации доминирующей научной парадигмы как результат научных революций. Тип научного мышления классической рациональности основывался на представлении о том, что познающий разум как бы со стороны созерцает мир и таким путем познает его. Задача познания в данном случае определялась как построение объективной реальности, как описание изучаемых объектов в их имманентной сущности. Условием объективности знания считалась элиминация из теоретического описания всего, что относится к субъекту, средствам и операциям его познавательной деятельности.

В разделе 4.2. «Локализация «экономической рациональности» в типологической системе координат» ставится вопрос о том, насколько методологически обосновано выделение этого социального феномена в отдельный тип рациональности.

В подразделе 4.2.1. «Концепция «целерациональности» М.Вебера» рациональность описывается как сущностная характеристика определенного типа целесообразной деятельности, в которой образование целей и формирование путей их достижения необходимо подвергается логической проработке и организации, благодаря чему обретает однозначный характер.

Принцип рациональности по праву следует считать основным принципом веберовской философии истории. Именно этот мыслитель наиболее последовательно рассмотрел рациональность как историческую судьбу европейской цивилизации³⁴. В целом, учёный пытался объяснить, почему формальный разум науки и римского права превратился в жизненную установку целой цивилизации. В процессе выработки методологии

³⁴ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 273-306.

изучения общественного развития исследователь сформулировал представление о «свободной от ценностей» науке о социуме: мышление в категориях «цель-средство» характерно не только для экономической деятельности человека, но и для многих других сфер жизнедеятельности. Лишь степень распознавания целей и средств их реализации определяет степень рациональности действия.

Для методологии Вебера концепция рациональных действий вообще имеет фундаментальное значение. Рациональность понимается здесь сама по себе, как *субъект*, а не предикат той или иной общественной деятельности или человеческой реальности. Согласно взглядам рассматриваемого автора, главенствующая роль *ratio* в экономике, науке и технике еще не является достаточным основанием для признания субстанциального характера рационализма. Сама по себе экономическая рациональность не в состоянии поддерживать свое развитие, чем обнаруживает свой вторичный и подчиненный характер.

В подразделе 4.2.2. «Специфические признаки «экономической рациональности» обосновывается тезис, согласно которому феномен рациональности остается сущностно одним и тем же, независимо от того, проявляется ли он в сфере экономики, частной жизни, при принятии экзистенциальных решений, в этическом выборе и т.д.

Рациональность в экономической теории определяется исключительно формально, а именно как максимальное воплощение какой-либо заданной цели при заданных же ограничивающих обстоятельствах. В диссертации выделяется целый ряд специфических признаков и критериев, которые отдельные представители методологии и философии экономики считают качественно новыми и несводимыми к традиционным моделям рациональности. В этом смысле можно говорить о формализме (нейтральность в отношении содержания целей), антипсихологизме (независимость от процессов формулирования выбора), а также о критериях осознанности, целенаправленности и оптимизации.

Однако на фоне более радикального и глубокого опыта обоснования *ratio* средствами теории познания, понятие «экономической рациональности» теряет свою мнимую исключительность. Это в свою очередь означает, что предикат «экономический» не добавляет к понятию «рациональность» ничего сущностно нового, но лишь локализует его, указывая на ту частную сферу (область), в которой он в данном случае применяется.

Предметом рассмотрения данного раздела диссертации является вопрос о том, насколько методологически обосновано выделение понятия «экономическая рациональность» в отдельный тип рациональности. Подчеркивается необоснованность притязаний данного концепта на статус автономного и самостоятельного типа *ratio*.

В разделе 4.3. «Классический и неклассический Разум как два полюса типологии рациональности» обосновывается тезис, согласно которому каждый новый тип научной рациональности характеризуется специфическими основаниями науки, которые позволяют выделить и исследовать соответствующие типы объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы).

Согласно принципам классического мышления XVII-XIX вв., природные процессы считаются постижимыми, поскольку они соизмеримы с процессами сознания. Исторический контекст познания, меняющий формы, нормы и критерии познавательной практики, при этом либо вообще не выявляется, либо не становится предметом специального исследования. Напротив, главная особенность «неклассического» мышления заключается в том, что история, культура – не универсальное творение человека. Они признаются равноценными и равномошными природе и как онтологическая реальность, и как объект познания.

Определенному типу научной рациональности свойственны особые основания науки. Вместе с тем, возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному отказу от представлений и методологических установок предшествующего этапа. Напротив, между ними существует *преемственность*. Неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только *ограничила* сферу ее действия. При решении ряда задач неклассические представления о мире и познании оказывались избыточными, и исследователь мог ориентироваться на традиционно классические образцы (например, при решении ряда задач небесной механики вовсе не требовалось привлекать нормы квантово-релятивистского описания, а достаточно было ограничиться классическими нормативами исследования). Точно так же становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они будут использоваться в отдельных познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки.

Таким образом, мы можем констатировать, что, не существуя вне человеческой деятельности, разум обуславливает особую форму ее организации, конкретные же формы рациональной действительности и ее исторически определенные результаты можно рассматривать как его кристаллизации.

В данном разделе диссертации получает обоснование тезис, согласно которому каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными лишь ему основаниями, которые позволяют вы-

делять и исследовать соответствующие типы объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы).

В разделе 4.4. «Внешние границы типологии: иррационализм, сенсуализм, вера» исследуемый феномен оказывается погружен в более широкий внешний контекст, образуемый феноменами веры, иррационального и прочих вне-логических способов освоения мира.

Рациональное трактуется современной наукой как некая открытая структура, имеющая определенные внутренние законы и особенности. Но именно в этой направленности рассуждений научное мышление закономерно утрачивает свою монополию на «рациональность». К иррационализму же при этом может быть отнесен любой опыт, который не поддается упорядоченности и умопостижению. Так, например, представляя собой реакцию либо на весь западноевропейский рационализм в целом, либо на какую-нибудь из его форм, философский иррационализм предстает в следующих основных ипостасях: а) иррационализм как реакция на просветительский рационализм; б) иррационализм как реакция на гегелевский рационализм, на «панлогизм» Гегеля; в) иррационализм как реакция на естественнонаучный рационализм; г) иррационализм как реакция на рационализм как таковой.

Представители философского рационализма рассматривают научное знание как безличностное, общезначимое и потому лишенное уникальной ценности. Они убеждены в том, что отклонение от неповторимой ситуации в попытках большей обобщенности, нахождения какой-либо повторяемости черт данной ситуации – это вовсе не этап на пути познания, как думают иррационалисты, а именно «растворение» истины, которая всегда индивидуальна, не поддается серийности. Отдельного внимания заслуживают типологические отличия рационального познания от феномена *веры*. Согласно учениям «религиозного экзистенциализма» (Г. Марсель, К. Ясперс), вера не только не противостоит философии, она является ее неотторжимым элементом. Но вместе с тем вера не отрекается от разума, который нередко сопутствует ей, дополняет ее. Так и рождается особый тип бытия, особый вариант рациональности, который К. Ясперс называет «философской верой». Выявление внешних типологических границ рациональности позволяет сделать вывод о том, что в современной западной философии наметилась отчетливая тенденция к расширительному истолкованию самого понятия рациональности. Таким образом осуществляется поиск нового типа рациональности.

В данном разделе исследования феномен рациональности анализируется в более широком социокультурном контексте, образуемом феноменами веры, иррационального и иных внелогических способов освоения мира. Особое внимание уделяется осмыслению характерологических черт

доминирующей в современной философии тенденции расширительного истолкования понятия рациональности.

В **Заключении** диссертации определены общие итоги исследования и обозначены возможные перспективы дальнейшего изучения современных подходов к типологизации феноменов классической и неклассической рациональности.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. Стоцкая, Т.Г. Научная рациональность в историческом контексте / Т.Г. Стоцкая. – Самара: Изд-во СГАСУ, 2004 – 88 с. (5,2 п.л.) ISBN 5-9585-0045-7

2. Стоцкая, Т.Г. Феномен рациональности: сущность, исторические формы, типологические параметры / Т.Г. Стоцкая. – Самара: Изд-во СГАСУ, 2009. – 226 с. (13,5 п.л.) ISBN 978-5-9585-0310-0

*Публикации в изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки РФ:*

3. Стоцкая, Т.Г. Реконструкция смыслового содержания категории «рациональность» / Т.Г. Стоцкая // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Гуманитарные исследования». – Самара: СамНЦ РАН, 2006. – С. 42-50. (0,54 п.л.)

4. Стоцкая, Т.Г. Классическая и неклассическая рациональность: критерии демаркации / Т.Г. Стоцкая // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Новые гуманитарные исследования». – Самара: СамНЦ РАН, 2006. – С. 66-74. (0,54 п.л.)

5. Стоцкая, Т.Г. «Кризис разума»: описательные характеристики и парадигмальные проблемы / Т.Г. Стоцкая // Аспирантский вестник Поволжья: Философия. Социология. Право. – Самара. – 2008. – № 1-2. – С. 71-74. (0,24 п.л.)

6. Стоцкая, Т.Г. Социально-исторический контекст смены рациональной парадигмы / Т.Г. Стоцкая // Аспирантский вестник Поволжья: Философия. Социология. Право. Политология. – Самара. – 2008. – № 5-6. – С. 86-89. (0,24 п.л.)

7. Стоцкая, Т.Г. Методологические различия в способах истолкования феномена рациональности / Т.Г. Стоцкая // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2009. – № 3 (69) – С. 19-25. (0,36 п.л.)

8. Стоцкая, Т.Г. Современные формы редукции рациональности / Т.Г. Стоцкая // Аспирантский вестник Поволжья: Философия. Социология. Право. Политология. – Самара. – 2009. – № 1-2. – С. 44-47. (0,24 п.л.)

9. Стоцкая, Т.Г. Феномен рациональности: философская традиция и современные интерпретации / Т.Г. Стоцкая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 96. – СПб., 2009. – С. 122-130. (0,54 п.л.)

Публикации в других изданиях:

10. Стоцкая, Т.Г. Проблема субъективности в науке / Т.Г. Стоцкая // Молодые ученые – науке и производству: Сборник трудов Областной научной конференции Самарского Союза молодых ученых. – Самара, 2002. – С. 23-24. (0,06 п.л.)

11. Стоцкая, Т.Г. Категории «образ знания» и «образ науки» в анализе познавательного процесса / Т.Г. Стоцкая // Философско-методологические проблемы науки и техники. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5 – Самара: СГАПС, 2003. – С. 31-35. (0,03 п.л.)

12. Стоцкая, Т.Г. Ценностное измерение науки / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика: Материалы 60-й юбилейной региональной научно-технической конференции. – Самара: СГАСА, 2003. – С. 25-26. (0,12 п.л.)

13. Стоцкая, Т.Г. Мир идеально-математической телесности: новоевропейская наука / Т.Г. Стоцкая // XIX международные чтения «Великие преобразователи естествознания: Б. Паскаль»: Материалы докладов. – Минск: БГУ, 2003. – С. 95-98. (0,18 п.л.)

14. Стоцкая, Т.Г. Синергетика как новация в научном познании / Т.Г. Стоцкая // XI Российская научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов: Материалы докладов. – Самара: ПГАТИ, 2004. – С. 283-285. (0,12 п.л.)

15. Стоцкая, Т.Г. Постнеклассический образ знания / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре: Материалы 61-ой научно-технической конференции. – Самара: СГАСА, 2004. – С. 43-44. (0,12 п.л.)

16. Стоцкая, Т.Г. Феномен средневекового типа рациональности / Т.Г. Стоцкая // Наука и культура России: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. – Самара: СГАПС, 2004. – С. 77-81. (0,24 п.л.)

17. Стоцкая, Т.Г. Трансформация образа науки в современной культуре / Т.Г. Стоцкая // Особенности постсоветских трансформационных процессов: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский дом знаний, 2004. – С. 148-150. (0,12 п.л.)

18. Стоцкая, Т.Г. Феномен научных открытий / Т.Г. Стоцкая // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы юбилейной международной научной конференции. Ч. I. – Тольятти: ВУ-иТ, 2004. – С. 351-354. (0,18 п.л.)

19. Стоцкая, Т.Г. Философия в техническом вузе: поиск новых форм / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы развития университетского технического образования в России: Тезисы докладов межрегиональной научно-методической конференции. – Самара: СГАУ, 2004. – С.232-234. (0,12 п.л.)

20. Стоцкая, Т.Г. Наука в тоталитарном государстве / Т.Г. Стоцкая // Современная наука: проблемы, перспективы, исследования. Сборник научных статей. Т.3. «Гуманитарные науки». – Кострома, 2005. – С.27-31. (0,3 п.л.)

21. Стоцкая, Т.Г. Научные открытия как предмет изучения методологии науки / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре: Материалы научно-практической конференции. Ч.1. – Самара: СГАСУ, 2005. – С. 9-11. (0,18 п.л.)

22. Стоцкая, Т.Г. Рациональность в системе гуманитарно-экономического знания / Т.Г. Стоцкая // Социально-экономические проблемы в развитии строительного комплекса: Межвузовский юбилейный сборник. – Самара: СГАСУ, 2005. – С. 284-290. (0,42 п.л.)

23. Стоцкая, Т.Г. Классическая и неклассическая рациональность: блок оснований и критерии демаркации / Т.Г. Стоцкая // Философско-методологические проблемы науки и техники: Межвузовский сборник. Вып.6. – Самара: СГАПС, 2005. – С. 44-54. (0,6 п.л.)

24. Стоцкая, Т.Г. Проблема «рацио» в современном гуманитарном знании / Т.Г. Стоцкая // Наука и культура России: Материалы 2-й международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности. – Самара: СГАПС, 2005. – С. 58-59. (0,06 п.л.)

25. Стоцкая, Т.Г. Ценностное измерение науки / Т.Г. Стоцкая // Wyt i rowinność: Сборник материалов международной философской конференции. Польша. – Rzeszow, 2005. – S. 371-384. (0,84 п.л.)

26. Стоцкая, Т.Г. О новой парадигме в методологии социально-гуманитарных наук / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы многоуровневого высшего профессионального образования: Сборник трудов региональной научно-методической конференции. – Самара: СГАСУ, 2005. – С. 393-396. (0,12 п.л.)

27. Стоцкая, Т.Г. Проблема изучения категории «рациональность» // Международная научно-практическая Интернет-конференция «Современные направления теоретических и прикладных исследований». Режим доступа: <http://www.sworld.ilhome.net> 15-25 декабря 2006 г. Stotskaya. pdf, свободный – загл. с экрана.

28. Стоцкая, Т.Г. Новый вызов рациональности: постановка проблемы / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика: Материалы 63-й Всероссийской научно-

технической конференции по итогам НИР за 2005 г. – Самара: СГАСУ, 2006. – С. 21-22. (0,06 п.л.)

29. Стоцкая, Т.Г. Основные подходы к изучению феномена «научная рациональность» / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика: Материалы 64-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР за 2006 г. – Самара: СГАСУ, 2007. – С. 33-34. (0,12 п.л.)

30. Стоцкая, Т.Г. К вопросу о новой парадигме в методологии социально-гуманитарных наук / Т.Г. Стоцкая // Наука и культура России: Материалы международной научно-практической конференции. – Самара: СГАПС, 2007. – С. 106-107. (0,12 п.л.)

31. Стоцкая, Т.Г. Неклассическая наука: идеалы и нормы / Т.Г. Стоцкая // Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика: Материалы 65-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР за 2007 г. – Самара: СГАСУ, 2008. – С. 25-26. (0,12 п.л.)

32. Стоцкая, Т.Г. Методология гуманитарных наук: новые перспективы / Т.Г. Стоцкая // Актуальные вопросы развития высшего и среднего образования на современном этапе: Материалы докладов пятой межрегиональной научно-практической конференции. Т. 2. – Самара: СГАСУ, 2008. – С. 76-78. (0,12 п.л.)

33. Стоцкая, Т.Г. Плюрализм интерпретации феномена рациональности / Т.Г. Стоцкая // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции. Ч. 1. – Тольятти: ВУиТ, 2008. – С. 322-334. (0,78 п.л.)

34. Стоцкая, Т.Г. «Научная рациональность»: эвристический потенциал и исторические типы / Т.Г. Стоцкая // Навстречу XXII Всемирному философскому конгрессу: переосмысливая философию: Материалы докладов участников конференции, посвященной 40-летию Казанского государственного энергетического университета и 10-летию Института экономики и социальных технологий. – Казань: КГЭУ, 2008. – С. 35-36. (0,06 п.л.)

35. Стоцкая, Т.Г. Классическое понятие нормы и неклассическое cogito / Т.Г. Стоцкая // Подготовка будущих экономистов и менеджеров в вузе: актуальные проблемы содержания и опыт формирования профессиональной компетентности: Материалы Всероссийской научно-методической конференции преподавателей вузов. – Самара: СФ РГГУ, 2008. – С. 29-34. (0,12 п.л.)

36. Стоцкая, Т.Г. Обоснование критериев различения исторических форм рациональности / Т.Г. Стоцкая // Философия. Наука. Культура. Вып. 2: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С. 30-42. (0,78 п.л.)

37. Стоцкая, Т.Г. Феномен «кризиса разума»: феноменологические характеристики и парадигмальные проблемы / Т.Г. Стоцкая // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 2: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С. 54-61. (0,42 п.л.)
38. Стоцкая, Т.Г. Социально-исторические аспекты трансформации рациональной парадигмы / Т.Г. Стоцкая // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 2: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С. 85-91. (0,42 п.л.)
39. Стоцкая, Т.Г. Проблема рациональности и современные формы ее редукции / Т.Г. Стоцкая // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 2: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С. 112-118. (0,42 п.л.)
40. Стоцкая, Т.Г. Место категорий «образ знания» и «образ науки» в анализе познавательного процесса / Т.Г. Стоцкая // *Научная жизнь: Научно-образовательный журнал*. – М.: Изд-во «Наука», 2008., №1. – С. 25-27. (0,18 п.л.)
41. Стоцкая, Т.Г. Неклассическая наука и ее гносеологическое своеобразие / Т.Г. Стоцкая // *Философия. Наука. Культура*. Вып.1.: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – С. 121-124. (0,24 п.л.)
42. Стоцкая, Т.Г. Классическое понятие нормы и неклассическое *cogito* / Т.Г. Стоцкая // *Философия. Наука. Культура*. Вып.1.: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – С. 116-121. (0,48 п.л.)
43. Стоцкая, Т.Г. Экономическая рациональность: гносеологические рамки изучения / Т.Г. Стоцкая // *Актуальные проблемы в строительстве и архитектуре. Образование. Наука. Практика: Материалы 66-й Всероссийской научно-технической конференции по итогам НИР университета за 2008 г. Ч. I*. – Самара: СГАСУ, 2009. – С. 29-31. (0,12 п.л.)
44. Стоцкая, Т.Г. Концепция целерациональности М. Вебера / Т.Г.Стоцкая // *Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции. Ч.I. Гуманитарные науки и образование*. – Тольятти: Изд-во ВУиТ. 2009. – С. 75-84. (0,54 п.л.)
45. Стоцкая, Т.Г. Трансформации в методологии социально-гуманитарных наук / Т.Г. Стоцкая // *Принцип наглядности в познании: Материалы межрегиональной научной конференции (к 80-летию со дня рождения проф. Феизова Э.З.)*. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2009. – С. 62-66. (0,24 п.л.)

Подписано в печать 25.01.10 Формат 60х84 /16.

Бумага писчая. Объем усл. печ. л. 2,5.

Тираж 120 экз. Заказ № 124

Отпечатано в типографии
Чувашского государственного университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15